

Весь старый особняк утонул в мёртвой тишине. Бай Юй ничего не видел — лишь смутно различал расплывчатые силуэты. В темноте холодный ствол пистолета прижимался к коже, и вместе с инстинктивным страхом это ледяное касание приносило странное, извращённое облегчение.

Ствол скользнул по линии челюсти вниз — в любой момент он мог выстрелить и пробить ему горло.

Сознание чуть прояснилось, вынырнув из кипящего желания. Бай Юй понимал, что ни в коем случае нельзя выдать себя, но не знал, выйдет ли он отсюда живым.

Он не осмелился заговорить — боялся, что его голос узнают. Но тело омеги, не считаясь с внешней опасностью, снова оказалось взбудоражено: открытые, ничем не скрытые феромоны приблизившегося альфы хлынули на него, и жар гун накрыл с новой силой.

Сдержанное, низкое дыхание омеги было опасно соблазнительным; аромат феромонов — холодной орхидеи — становился всё гуще.

Фу Юй на мгновение замер. Запах оказался на удивление хорош. Он наклонился, вдохнул у него на шее, прищурился, прикидывая, кто это такой безумец, которого осмелились подложить в его постель.

Его период уязвимости закончился совсем недавно, нервы и так были на взводе, а этот манящий, лишающий рассудка запах ударил в голову — и он, не раздумывая, грубо подхватил омегу и швырнул на кровать.

В тот миг, когда альфа коснулся его, остатки разума Бай Юя окончательно утонули в жаре. Сознание захлестнула кипящая волна, и лишь внезапная боль заставила его широко распахнуть глаза. Он инстинктивно, отчаянно попытался вырваться, но сила Фу Юя была пугающей — одной рукой он легко удержал его.

Таков был закон АО: в постели альфа абсолютно подавляет омегу и никогда не допускает сопротивления.

Крупница ясности снова захлебнулась в волнах. Когда всё закончилось и он понял, что произошло, его словно бросили в ледяную воду: он переспал с Фу Юем.

Пусть между ними и не было кровного родства, но Фу Юй был тем, кого он видел взрослеющим.

Запретный, постыдный стыд обрушился на него. Внезапно в нём проснулась сила — почти удалось вырваться из хватки альфы.

Фу Юй цокнул языком и без труда снова прижал его к постели.

Фу Юю нравился запах этого омеги.

В любовных делах он всегда ограничивался лёгкой игрой, никогда по-настоящему не сближаясь ни с одним омегой. Он видел их всяких, вдыхал бесчисленное множество феромонов — но лишь этот аромат вызвал почти болезненную одержимость. Настолько, что он потерял контроль и кончиками зубов прокусил железу на затылке незнакомого омеги, впервые поставив временную метку.

С того самого момента, как его швырнули на кровать, и до сих пор Бай Юй почти не издавал ни

звука — даже на пике волны. Это раздражало. Фу Юй сжал его подбородок:

— Ты что, ещё и немой?

Бай Юй дрожал всем телом, до боли сжимая зубы и не издавая ни звука. Фу Юй снова усмехнулся:

— Ну что, так ли это... раздвинем — и узнаем.

Когда Бай Юй всё-таки сорвался на крик, Фу Юй с откровенно злой насмешкой провёл пальцами по его кадыку:

— А ведь красиво кричишь.

К тому времени, как всё затянулось до глубокой ночи, электричество восстановили. Свет в комнате не включали — лишь сквозь узкую щель между тяжёлыми шторами сочился тусклый отблеск.

Фу Юю стало любопытно: ему хотелось увидеть, как выглядит этот почти молчаливый, неопытный, но неожиданно приятно пахнущий омега.

Он протянул руку к прикроватной лампе. Бай Юй в темноте заметил движение, с трудом собрал остатки сил и, вложив в это всё, что мог, — всё равно слишком слабо — прижал его руку.

В голове билась одна мысль: нельзя, ни в коем случае нельзя, чтобы Фу Юй понял, кто он. Горло пересохло, голос стал хриплым, неузнаваемым; он выглядел жалко:

— ...Не смотри на меня.

Рука, опустившаяся на ладонь Фу Юя, была лёгкой, как пёрышко, едва ощутимой, с остаточным теплом влажного пота.

В хриплом голосе слышалась почти мольба.

Фу Юй на миг опешил. Сам не понимая почему, он вдруг смягчился.

Медленно убрав руку, он взгляделся в темноту — без толку, всё равно различались лишь смутные очертания. Он сжал пальцами его подбородок, тихо усмехнулся и спросил:

— Чего ты боишься? Думаешь, ты урод?

Бай Юй снова замолчал.

Аромат феромонов — холодной орхидеи — переплетался с запахом альфы. Сердце Фу Юя дрогнуло лишь на мгновение; в следующий миг он снова прижал его к постели.

Когда беспорядочная близость закончилась, Фу Юй — холодный и равнодушный — сразу уснул,

не собираясь утешать омегу.

Он знал меру и не собирался ставить полноценную метку неизвестному омеге с сомнительным происхождением.

Жар гун временно спал. Несмотря на усталость, боль и полное бессилие, Бай Юй изо всех сил старался не уснуть. Он притворился потерявшим сознание, слушал, как дыхание Фу Юя становится ровным, затем, с трудом согнувшись, на ощупь вытащил из кармана одежды маленький флакончик-спрей и брызнул им Фу Юю под нос — прежде чем тот успел насторожиться, альфа провалился в глубокий сон.

Стыд, ярость и страх переплелись в груди. Бай Юй включил лампу, дрожа, оделся, тщательно обыскал комнату и, убедившись, что ничего не оставил, опираясь о стену, медленно поднялся.

Скользнув взглядом по тумбочке, он увидел пистолет Фу Юя.

Не раздумывая, Бай Юй схватил оружие и, стиснув зубы, навёл его на голову альфы.

Фу Юй был по-настоящему красив: высокие брови, глубокий взгляд; обычно его улыбка казалась мрачной и опасной, но во сне черты смягчались.

Место укуса на задней стороне шеи ныло и одновременно отзывалось сладким онемением. Бай Юй глубоко вдохнул. Он не знал, была ли это минутная слабость или же последствия временной метки — странная зависимость, неуместная привязанность к этому хладнокровному, безжалостному альфе. Рука дрогнула; он опустил пистолет, тщательно стер с него отпечатки и, в панике, выпрыгнул в окно.

Это был второй этаж — не так уж высоко, но из-за подкашивающихся ног он едва не подвернул ступню.

Он был временно помечен: первая волна гун отступила, феромоны оказались укрыты запахом Фу Юя и больше не вырывались наружу без конца.

Хорошо зная дом, Бай Юй без труда обошёл камеры наблюдения, вернулся в свою комнату, достал спрятанные ингибиторы и маскирующее средство и, не моргнув глазом, ввёл их в вену.

Ингибитор подействовал быстро. Псевдо-альфа-препарат источал стабильный, мягкий запах свежей травы, постепенно перекрывая смешанные ароматы на теле.

И всё же он ясно чувствовал: запах Фу Юя, введшийся в кожу, не исчез полностью. Казалось, он всё ещё купается в этом властном феромоне — изнутри и снаружи пропитанный Фу Юем.

Сдерживая дискомфорт, Бай Юй снова принял душ и посмотрел на время.

Скоро рассвет.

Хотя Фу Юй не вошёл в его репродуктивную полость, тревога не отпускала.

Поколебавшись, Бай Юй незаметно вышел, купил экстренную контрацепцию и лишь после того, как принял таблетки, наконец смог перевести дух.

Ночная неразбериха пугала его до дрожи — хотелось сбежать как можно дальше и больше никогда не возвращаться.

Но если он исчезнет, это наверняка вызовет подозрения.

Бай Юй пробродил снаружи целый день и лишь к вечеру, скрепя сердце, вернулся.

Он жил в отдалённой части усадьбы; сюда почти никто не заходил. Обычно они с Фу Юем и за год могли ни разу не пересечься.

Так что, пока он молчит, никто не узнает, что именно он был тем омегой прошлой ночью.

Через некоторое время он найдёт предлог и уедет отсюда.

Однако, едва переступив порог старого дома, Бай Юй почувствовал неладное. Делая вид, что ничего не замечает, он вернулся в свою комнату — и, открыв дверь, увидел высокую спину Фу Юя.

Услышав скрип, альфа слегка улыбнулся и обернулся:

— Ну наконец-то соизволил вернуться?

Лицо Бай Юя побелело.

<http://bllate.org/book/14965/1328200>